

У меня много имён, но моя суть одна. Итак...

Я — Гохомаосан, повелитель демонов, защитник Дхармы — дхармапала, Бхутанатх — повелитель духов, воплощение Шивы. Шесть с половиной миллионов лет назад я прилетел с Венеры и сошёл на эту жалкую планету на вершине горы Курама, чтобы спасти всё человечество. Миллионы лет мой великий дух обитал на Кураме, управляя жизнью всего живого на Земле.

Я — Гохомаосан. Я пришёл, чтобы достичь бессмертия и сравниться с богами. Миллионы лет я пожирал святых людей в надежде, что их святость перейдёт ко мне. Миллионы лет я правил кучкой жалких демонов и убивал их, когда они становились мне неудобными. Мой путь вымощен трупами и залит кровью.

Я — Гохомаосан. Все боги отстранились от меня, осознавая мою мощь и своё бессилие. Все демоны склонились предо мной, раболепно вылизывая грязными языками мои могучие копыта. Все, кроме одного. Но и этот враг будет повержен.

Ныне же я — У Мован! А имя моего последнего ничтожного врага, честно говоря, даже не хочется произносить вслух...

— Да ты издеваешься?! — Ольга прыгала, утопая по пояс в снегу, и размахивала руками. — Укун!!! Что за чушь ты мне несёшь? Ты о какую стенку головой ударился?

— Прости, благочестивая, твоего сахиба здесь нет, напрасно ты призываешь его, — покачал головой сидящий в снегу парень. — Ведь если бы он был здесь, я бы увидел его. Но, на твою беду, тебе встретился лишь ничтожный Хануман, который скоро превратится в ледяную глыбу в этом заснеженном мире...

Блондинка коротко прорычала — нервы, нервы, нервы...

— Ой, точно, — спохватилась она, пытаясь взять себя в руки. — Ты же околеешь тут. А ну давай поднимайся, домой поедем. Я тебе даже ванну наберу, так и быть.

— Нет, дэви, — с блаженной улыбкой горько всхлипнул её собеседник. — Оставь меня здесь. Холод замедлит ток моей крови, остановит моё дыхание, и я наконец приближусь к высотам просветления, как великие учителя...

— Угу, ты уже приблизился — вон на носу снежинка не тает! Слушай, давай без этих твоих китайских штучек, а? Сегодня Новый год, ты в курсе, вообще? Я хотела с подружками в «Хэ», но куда там... Давай просто поедем домой, закажем роллы — мне как раз зарплата на карточку упала, и мама денежный подарок подкинула. Чай заварим. Варенье откроем — я сама варила из арбузных корок, должно быть вкусное. Ну там... шампанское купим. Голицынский брют просто напиток богов! Только я бутылку с шампанским открывать не умею, поэтому это твоя обязанность. А! Вот, вспомнила! Ты мне ещё люстру повесить должен!

Она подняла указательный палец вверх и погрозила им, сурово сдвинув брови. Азиат понял, что процесс просветления откладывается. Да, люстру, конечно, повесить надо, учителям придётся подождать, но они поймут...

— Куда ты ведёшь меня по этой заснеженной дороге, великолепная дэви? — ныл Укун, или, как он теперь себя называл, Хануман, пока они долго-долго выбирались из старого фонда в цивилизацию — на остановку общественного транспорта.

— Слушай, вот не надо, а? — огрызнулась Ольга, упрямо топающая впереди него. — Ладно, в прошлый раз я накосячила, признаю, было дебильной идеей селиться в гостинице в такой дыре. Но теперь-то ты сам сюда зачем-то пришёл. Я в принципе не понимаю, каким чудом нашла тебя и зачем опять потащилась в это захолустье. И вообще... — Она остановилась и развернулась к китайцу лицом. — Если бы ты не свалил от меня в закат в буквальном смысле слова, нам бы сейчас не пришлось месить снег!

— Я ничего никуда не сваливал, уважаемая госпожа Олга. Я не знаю, как здесь оказался, — попытался оправдаться её печальный спутник, у которого опять глаза были на мокром

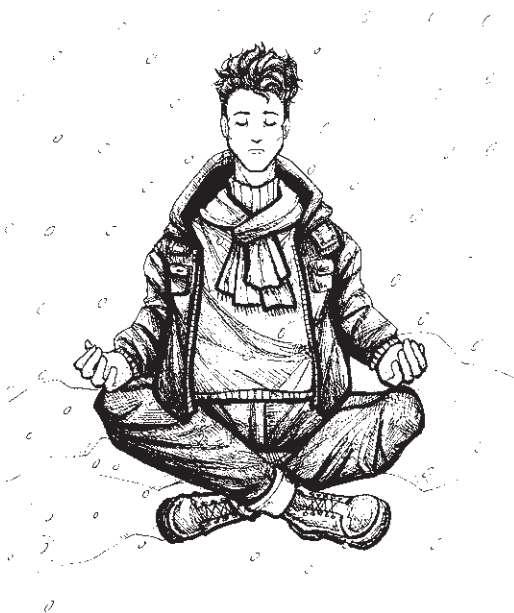
месте. — Ты путаешь меня с кем-то другим, благочестивая, но я всего лишь...

— Ой, всё, пошли! — отмахнулась блондинка и снова зашагала вперёд по плохо протоптанной тропинке.

Дворников, расчищающих снег, разумеется, не было. Всё, что нужно, давно расчищено, а что нападает за день, уберут уже завтра, послезавтра, послепослезавтра, а кто-то и через десять дней. Потому что сегодня Новый год. Пожалуй, главный праздник в стране. И не только у нас.

Она на ходу вытащила из кармана телефон и написала подругам в общий чат в вайбере, что не пойдёт с ними в «Хэратс». Извините-простите, но у неё тут любимый Укун внезапно стал ненормальным Хануманом. Хотя какая разница! Главное, что он нашёлся. Он не ушёл в Китай пешком, он покорно плетётся за ней следом, тихо всхлипывая. И она будет встречать Новый год с ним! Потому что!

...В автобусе китаец уселся прямиком на грязный пол, сложив ноги в позе лотоса. Блондинка ругалась, призывая его переместиться на сиденье, упрекала, что ей теперь придётся сти-

рать его вещи. И мало того что счета за воду и электроэнергию и так астрономические, так ещё этой вынужденной стиркой мы оставляем лишний углеродный след от своего существования, нанося непоправимый урон планете.

Последний аргумент вдруг оказался для Укуна-Ханумана убедительным, он подскочил и уселся рядом с девушкой, заинтересованно выспрашивая подробности про углеродный след.

— Ну... слушай, я сама ещё не разобралась толком, — неуверенно ответила Ольга. — Короче, это сейчас в тренде: сокращение выбросов углерода, экомышление, разумное потребление, сортировка мусора, «Проджэкт пэн» и апсайклинг. В «Перекрёстке» стоят контейнеры для сбора использованных зубных щёток. В «Эльдорадо», кажется, стоит урна для старых батареек. Они очень-очень вредные, токсичные, поэтому их обязательно надо собирать отдельно и потом перерабатывать. Ещё в тренде вегетарианство и веганство, сыроедение там всякое, питание солнечной энергией, прана, но это не моя тема, я по мясу.

Её собеседник смотрел на неё, вытаращив ничего не понимающие глаза, в которых чётко читалось, что из всего сказанного блондинкой он понял только слова «короче» и «мясо».

— Укун, давай мы приедем домой и ты зауглишь, а? Айпад тебе всё расскажет.

— Я Хануман, диди, — с горьким вздохом поправил её молодой человек. — Но что я должен сделать, Олга-джи? И кто этот почтенный сахиб Айпад, который готов поделиться со мной своей мудростью?

— Ты издеваешься? — У блондинки нервно дёрнулось нижнее веко. — Укун, вот только не надо говорить, что ты всё забыл и мне придётся заново учить тебя обращаться с техникой!

— Моё имя — Хануман, диди-джи... — занудно напомнил китаец. Или уже не китаец. Кажется, разрез глаз у него стал более индусским, чем азиатским. Что вообще происходит?!

— Укун, не строй из себя идиота! Почему тебя не удивляет автобус, в котором мы едем, но удивляет всё остальное?

— Я Хануман. Почему меня должна удивлять повозка рикши? В холодную пору рикша перебрался внутрь повозки, чтобы не замёрзнуть, это очень разумное решение.

— Ой, всё!

«Это какой-то бред! Он реально издевается, — быстро писала Ольга в Инстаграм, пока её гость заново изучал ванную. — Теперь он возомнил себя Хануманом! И прикидывается, что не знает меня, не помнит и вообще его здесь не было. А я загуглила про Ханумана, и что же? Это тот же Сунь Укун, только в Индии, а не в Китае! Вот какая, блин, принципиальная разница, а?! Но нет, этот артист включил умирающего лебедя и строит из себя совершенно другого человека. И мне теперь заново ему всё объяснять: про горячую воду, про газ, электричество, холодильник. Мне это надо? Мне вообще это всё надо? Почему я не спустила его с лестницы, как только он появился у меня дома? Хочу тишины и какао с печеньками...»

Она отправила пост с фотографией удивлённого китайца (или индуса) в ванной, которую успела сделать, прежде чем тот начал прямо при ней стягивать с себя штаны. Конечно, она тут же с воплем убежала, плотно закрыв за собой дверь. Однако сейчас её гость уже сильно задерживался.

Блондинка тихо подошла к ванной и прислушалась. Из-за двери доносилось монотонное бормотание.

— Укун! То есть Хануман! — она громко постучала. — Ты что там делаешь?

Но вместо ответа девушка услышала лишь лёгкий плеск воды. Она резко распахнула дверь, на всякий случай приготовившись зажмуриться. Ну, вдруг он там голый?

Китаец (индус, индокитаец, кто его теперь разберёт?), замотавшись в полотенце ниже пояса, стоял на коленях прямо на полу перед ванной, ловил руками тоненькую струйку воды, льющейся из крана, набирал полные ладони, возносил над головой и медленно выливал обратно в ванну, бормоча что-то непонятное.

— Ты что тут делаешь?

Молодой человек закрыл смеситель, встал, насухо вытер руки полотенцем и только тогда ответил:

— Я возносил молитву благодарности воде, Олга-джи.

— Что?..

— Молитву благодарности воде, благочестивая дэви.

— Зачем?!

— Ты не знаешь таких простых истин, несравненная? — вытаращив глаза, очень удивился Хануман. — Неужели ты смеешь прикасаться к воде и не возносишь потом молитву благодарности?! Ведь вода приносит Жизнь, наполняет наши сердца Миром и Покоем! Вода запоминает наши молитвы, наши слова и песнопения, исполненные благодарности и почтения, запоминает наши добрые и светлые мысли, которые мы обращаем к ней. Великая вода вернёт это добро нам и нашей семье, откроет наши чакры, просветит наш разум, если слова наши были святы и искренни! — Он закрыл глаза, согнул руки в локтях, подняв кисти вверх, и начал напевно бормотать, медленно раскачиваясь из стороны в сторону: — Носительница Жизни — Вода-а-а! Вода-а, ты сама Жи-изнь! Ты чиста-а, ты мудра-а, ты целительна-а, ты животворяща-а-а! Благодарю тебя за дар Жизни-и! За всё живое на земле-е! Прими мою любовь, Вода-а! Прими-и мою любо-о-овь!

— Ты больной? — с тяжёлым взглядом спросила Ольга.

— Я никогда не болею, благочестивая диди, ведь я — Хануман. А молитвы благодарения воде, которые я возношу ежедневно, делают воду, которую я пью, чистой, живительной и исцеляющей любые болезни тела и души.

Круто развернувшись и нарочито громко топая, Ольга ушла на кухню.

— Да когда же всё это кончится?! — проорала она в потолок, из которого по-прежнему торчали оборванные провода от упавшей люстры.

Подумав с минуту, аспирантка нехорошо улыбнулась, вышла в подъезд и вырубил пробки. Нет, нет, только своей квартиры...

— Я не знаю, как вешать этот светильник, дэви!

— Аккуратно его вешать. И провода хорошо изолировать. Иначе молитвы воде уже никак не помогут.

Индокитаец тоскливо шмыгнул носом:

— Диди-джи, я — Хануман! Я могу летать на облаке, передвигать горы...

— О! Ну хоть что-то не меняется! — обрадовалась девушка. — Будучи Укуном, ты хвастался тем же самым!

— Я — Хануман!

— Ок, ты Хануман! — согласилась блондинка и встала в сторонке, скрестив руки на груди. — Вешай люстру, кому говорят!

— Моё имя — Анджанея, — вдруг сообщил парень, когда примерно через полчаса страданий, нытья, воплей и слёз совместными усилиями люстра криво-косо, но висела на своём месте.

— Что-о?! — Ольга подскочила до потолка. — Ты же весь день выносишь мне мозг, уверяя, что ты Хануман?!

Они сидели вдвоём на маленькой кухне при свете светодиодных свечей, потому что так романтичней. Перед блондинкой стояла тарелка пасты. Гость категорически отказался есть спагетти с говяжьим фаршем, заявив, что это грех, поэтому скромно жевал наскоро порезанный винегрет. За окном светили звёзды и пока ещё было тихо, даже тише, чем обычно.

— Да, благочестивая диди, — согласился он. — Моё имя — Хануман. Но также и Анджанея. Ведь моя мать, прекрасная апсара Пунджистала, была проклята и обращена в обезьяну-ванару, стала женой великого воина ванаров Кешари и носила имя Анджана. Когда она гуляла по горным склонам, собирая цветы и плоды, её увидел бог ветра Ваю. Он был так поражён её красотой, что немедленно овладел ею прямо там, где настиг. Так появился на свет я, Хануман, Анджанея — сын Анджаны, а также Марути — сын ветра.

— Я вообще не въехала, чей кто сын, что значит «диди» и «апсара» и кто вообще все эти люди? — Ольга сделала большой глоток крепкого чёрного чая.

Чай в старой картонной пачке со слонем был найден где-то на дне глубокого кухонного ящика. Наверное, когда-то его привезла мама. Хануман удовлетворился надписью «индийский» и позволил напоить себя этим напитком. Девушка переживала, что он будет привередничать, но нет: её собеседник, судя по всему, вообще забыл про свой щепетильный подход к выбору чая, но зато сокрушался отсутствием благовоний. Ольга глубоко вздохнула, сходила в туалет, вернулась оттуда с бал-

лончиком освежителя воздуха и щедро распылила прямо перед носом своего гостя, а потом открыла планшет и просмотрела комментарии к предыдущему посту.

«Твой друг из Индии? Он веган? Вот я — веган и прекрасно себя чувствую!»

«Ты знаешь, что в Индии много болезней? А ещё они в речку свою трупы бросают! Фу!»

«Ты жила в Индии? Расскажи, в каком шелтере? Сколько стоит? Чем там питались, как просветлялись? Как индуса отхватила?»

«Туры в Индию. Комфортный гест для русских туристов. Всё включено. Стучись в директ, всем найдём место! Справки по телефону...»

Ольга нахмурилась и, загрузив фото новогоднего стола, написала новый пост:

«Без десяти минут Новый год. А я сижу и слушаю, как ветер изнасиловал обезьяну и у неё родился сын-обезьянобог. Один, но с тремя именами. Или это были три сына. Честно, я без понятия, я вообще уже ничего не понимаю. Напомните, зачем мне это всё надо? Что ж, по крайней мере, с ним не скучно. Сидит, пьёт чёрный чай, шумно прихлёбывая. А ещё вчера не признавал никакого другого чая, кроме зелёного китайского. И ещё он постоянно плачет и шмыгает носом. Простыл, наверное. Помочь, что ли? А то уже раздражает...»

...Следующие пять минут она бегала по квартире за возмущённо вопящим Хануманом, пытаясь заставить его прыснуть в нос назальным спреем. Тот высоко подпрыгивал, смешно изгибался, умолял не наказывать его такой страшной карой, просил прощения непонятно за что, клялся какими-то богами, что больше не будет шмыгать носом, и тут же снова шмыгал им, а потом просто заперся в ванной.

— Ну, выходи, я тебе хотя бы таблетку от аллергии дам!

— Зачем?!

— Вдруг у тебя аллергия!

— У меня нет этого неведомого слова, диди-джи!

— Ой, всё!

Когда мнительный китаец, индус или кто он там, наконец-то вышел из ванной, Ольга уже сидела за столом в красивом голубом платье чуть выше колен, с открытыми плечами, вклю-

чив на планшете прямую трансляцию с Красной площади и считая последние секунды уходящего года.

Кажется, её гость что-то спросил, но она лишь рассеянно отмахнулась. Забили куранты. Девушка встала, разлила по бокалам «Гримберген» и вручила один бокал Хануману.

— Что это, диди-джи? — Парень настороженно принялся.

— Пей давай.

— Что это за зелье?

— Да пей шустрее! А то желание не сбудется!

— Какое ещё желание?

Ольга закатила глаза, раздражённо рыкнула и молча осушила свой фужер.

Вообще-то по традиции следовало купить шампанское. Но она же девочка — она не умеет его открывать. А просить этого полоумного теперь ей казалось плохой идеей — он зальёт шипучкой всю её маленькую кухоньку! Нет уж... себе дороже.

Поэтому, выйдя из автобуса на остановке, они забежали в ближайший «Магнит», чтобы закупиться полдюжиной «Гримбергена» по акции. Ну и фаршем для пасты. Да, изначально она хотела заказать роллы, но в новогоднюю ночь их бы точно пришлось ждать до утра первого января. Если не до второго.

— Желтоволосяя женщина нашла его, император.

— Я знаю.

Седовласый старец с длинной узкой бородой улыбнулся тонкими губами. В уголках глаз морщинки-лучики сверкнули, как солнце. Подвески на шляпе коротко звякнули и сразу же затихли.

— Чего же теперь грядёт, великий Юй-ди?

— Всё будет зависеть от него.

— Или от неё?

— Или от неё.

...Сунь Укун любовался салютом, восторженно подпрыгивая и хлопая в ладоши. Ольга даже выключила свет, чтобы он мог лучше рассмотреть, как боги распускают волшебные цветы в небесах. Паста давно была съедена, поэтому девушка тихо утащила себе большую тарелку с остатками винегрета.

Её друг, повторно влюбившийся в «Гримберген», быстренько выхлестал все запасы, заливая пиво себе в рот прямо из бутылок. То ли он был демон, то ли бог, а может, просто невосприимчив к алкоголю, но совершенно не пьянел и даже требовал ещё ведро этого прекрасного пойла, но извините — после двадцати двух ноль-ноль алкоголь не продают даже в Новый год.

Да и вообще пить вредно. Тем более столько!

Примерно до часу ночи им обоим пришлось общаться на повышенных тонах, то есть попросту кричать, так как грохот фейерверков не позволял разговаривать нормально. Ольга быстренько написала поздравительное сообщение родителям и категорически отказалась выходить во двор. Нет, небесные цветы не опустятся к ним в руки! Нет, они не благоухают! Нет, орущим прохожим не нужна помощь, они просто пьяные в хламинго! Впрочем, как и он сам.

Китаец, которого резко накрыло запоздалым опьянением, с воплем побежал на балкон, открыл окно (спасибо, что не выбил!) и начал во всё горло звать какого-то Раму.

— Слушай, я понятия не имею, кто такой этот твой Рама. — Ольга, по пути накинув махровый халат и прикрыв за собой дверь, чтобы не выстудить квартиру, встала рядом. — Но мою оконную раму ты сейчас точно сломаешь. А я, знаешь ли, против! Мне только полгода назад пластиковые окна поставили! Чудом не в кредит. Родители помогли, да. А что делать? Я студентка, сама не потяну, вот они и помогают. Но я верну им деньги. Вот допишу диссертацию, получу степень, съезжу за границу, посмотрю мир и... Тебе, вообще, интересно?

— Я хочу улететь к моему господину! — твёрдо заявил он.

— Опять улететь?!

— Сними эту сеть с окна, благочестивая, пока я не разорвал её на тысячи мелких частей, как разрываю любые оковы, мешающие...

— Не-не, не надо ничего разрывать, я сниму, вот, пожалуйста.

Девушка ухватила за ручки, слегка надавила и аккуратно втащила сетку внутрь, но даже не успела поставить её на пол.

— Держись, диди-джи! — крикнул Сунь Укун, ухватил её за талию и вывалился из окна с беспомощно барахтающейся блондинкой на плече.

Ольга зажмурила глаза и закричала. А кто бы не закричал? Сейчас, вот уже прямо сейчас ей предстоит больно упасть. Лететь недалеко — всего-то второй этаж. Конечно, под окном сугробы, но всё равно наверняка будет очень-очень больно! Возможно, она даже что-то сломает.

А потом гарантированно сломает шею этому пьяному обезьяну, потому что ключей-то у неё с собой нет, и зайти домой теперь как? Никак! Придётся топтать в тапочках и халате к подруге, у которой хранятся запасные ключи. Не то чтобы подруга жила очень далеко, но зимой, ночью, в халате и тапках ходить по улице — это же чистой воды самоубийство.

Кстати, о самоубийстве. Почему они до сих пор не упали?

Девушка осторожно открыла глаза и увидела далёкие огоньки внизу. Сначала ей показалось, что это тлеющие угли костра. Или новогодняя гирлянда. И только потом, приглядевшись, она увидела змеистую полосу моста, подсвеченного яркими фонарями, тёмную реку под ним и ярко горящую надпись «САРАТОВ», обозначающую въезд в город. Подул лёгкий морозный ветерок. Ольга аккуратно повернула голову, чтобы посмотреть вверх, и увидела руку Укуна, откинутую назад, и всё быстрее мелькающие мимо маленькие тёмные облака, на мгновение перекрывающие собой яркие звёзды.

Она коротко вскрикнула и крепко-крепко обняла своего похитителя чуть ниже талии, чтобы ненароком не соскользнуть и не свалиться вниз. Огоньки города становились всё мельче и мельче, слово «САРАТОВ» на Предмостовой площади было уже не прочитать. А прямо перед носом блондинки мотался из стороны в сторону самый настоящий обезьяний хвост. С кисточкой.

— Куда ты меня тащишь?! Почему мы лети-им?! — крикнула она.

— Я слышу зов своего господина-а!

Кажется, она так и уснула, уткнувшись носом ему в копчик. То есть на мгновение провалилась в сон и тут же открыла глаза. И увидела, что они падают, вдвоём. Каким-то образом китаец перестал лететь и просто, выпрямившись, падал вниз. Ольга протестующе заорала и уже подготовилась к неминуемой смерти, но буквально за пару метров до падения на землю

этот психопат снова начал как-то работать руками и ногами, так что приземлились они на удивление мягко.

Придя в себя и осмотревшись по сторонам, девушка не сразу осознала происходящее вокруг. Над головой встающее солнце, на горизонте горы и лес, лёгкий ветерок с незнакомыми ароматами, пышные взбитые облака, а справа и слева какие-то строения, заборы, палатки, павильоны, толпы ярко наряженных и покрашенных людей носятся словно угорелые, откуда-то периодически звучит торжественная восточная музыка.

Ну и ещё, кстати, тут было довольно жарко, потому что лето. А она в махровом халате, как дура. Да ещё босиком, потому что тапочки слетели по дороге. Впрочем, её спутник тоже был босым и с голым торсом. Благо что хоть в штанах. Ну не совсем, а так, вроде юбки, обёрнутой вокруг пояса и ног до колена. Фиг знает, как оно правильно называется и откуда оно на нём взялось...

— Ты куда меня притащил?!

— К моему другу и господину.

— К какому ещё господину?! Я-то здесь при чём?! Зачем ты меня с собой унёс?

— Ты спасла меня, диди-джи. Не мог же я оставить тебя в беде.

— В какой беде?! — в голос заорала Ольга. — Я была дома, мне было тепло, светло и вкусно! У меня там посуда немытая и окно нараспашку!

На её крик откуда-то выбежал мужчина со смуглой кожей и иссиня-чёрными волосами, собранными в низкий хвостик, и сердито шикнул, приложив палец к губам.

Он явно был каким-то администратором — чёрный брючный костюм, однотонная рубашка, хоть и слишком яркая, но, может, тут так носят. Кстати, тут — это где?

— Кто вы такие? — сердито сдвинув брови, обратился он к Сунь Укуну.

— Я пришёл к Раме.

— К кому?! — удивился мужчина. — Этот дурак совсем зарвался? Ещё и полоумных гостей сюда приглашает! Он занят, он вообще-то работает, ха-ха, да-а, — абсолютно без улыбки хохотнул он. — Встретитесь с ним потом.

— Раб, отведи меня к моему другу Рама, он ждёт меня, я слышал его зов.

Мужчина в костюме достал из кармана телефон, быстро набрал кого-то, отошёл на пару шагов и не очень тихо сказал в трубку:

— Ашиш, ты совсем с ума сошёл? Что ты вытворяешь? Зачем ты зовёшь сюда своих друзей?.. Как не звал?! Пришли к тебе двое: какой-то высокомерный полуголый парень, назвал меня рабом. А с ним девушка, блондинка. Не крашенная! В банном халате! Ты уже и любовниц своих сюда водишь? Или любовников?.. Откуда мне знать, может, ты — би! Ха-ха, да-а!

Он убрал телефон в карман, ещё раз внимательно окинул взглядом странную парочку, сказал ждать, предупредил, что бы «не шумели тут», и быстро удалился.

— Кто такой этот Рама?

— Как, диди-джи, ты не знаешь Раму, великого царя Айодхьи, сошедшего в мир в последнюю четверть Трета-юги? — изумлённо вытаращил глаза Хануман.

— Чегось?..

— О благочестивая! — озадаченно покачал головой он. — Парашурама занят сотворением и сохранением мирового порядка, а Рама призван сохранить достоинства брака как единства и неразрывной благодной связи между мужем и женой! Рама, Марьяда Пурушоттама, — совершенный высочайший из мужей, старший сын правителя Айодхьи Дашаратхи и жены его, прекрасной и благодетельной Каушалы! Почему же ты молчишь, Олга-джи?

— Э-э... а кто все эти люди и с кем ты сейчас разговаривал?

В это же время, но очень далеко отсюда...

— Это невозможно! Что ты несёшь, Хуньдунь?! Видно, твои глаза из розового хайнаньского хрусталя не так хороши, как клялся стеклодув. Правильно, что ты разорвал его на части. Они искажают увиденное! Должно быть, какая-то крупная птица пролетела, а ты спутал её с обезьяной, слепой болван! Обезьяна не может быть в Китае!

Медведь напряжённо сжал челюсти, и вены на его шее вздулись, как канаты.

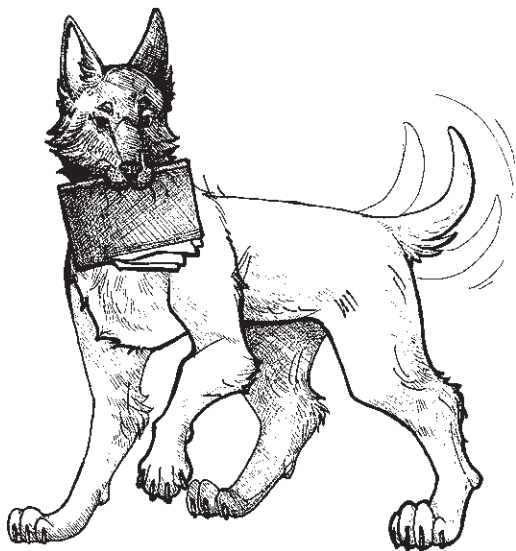
— Я со всей ответственностью заявляю, что это был Сунь Укун, господин, — сказал он после непродолжительного молчания. — Он летел по небу с какой-то огромной булавой и плакал.

— С булавой? Допустим. Но чтобы царь обезьян плакал?! — Демон-бык задумчиво пожевал губу. — Нет, это точно не обезьяна, Хуньдунь. Ты что-то путаешь. Наверное, тебе надо отдохнуть. Ты восстановил от ран свою плоть и заменил стеклом выжженные глаза. Но твоя чёрная душа не оправи-лась от того, что ты пережил в том варварском Саратове. Я отправлю тебя в отпуск.

У Мован поднялся из резного костяного кресла и взял со стола маленький колокольчик. В сводах пещеры зазвучал высокий звон и стих сразу же, как только колокольчик в его руке остановился.

Через минуту в пещеру вошли безликие стражи — голые по пояс двухметровые гуманоидные существа, покрытые шерстью. Никто не знал, кто они, так как их головы всегда были скрыты под шлемами, больше напоминающими перевёрнутые вёдра.

— В отпуск? — обрадовался медведь. — А куда?

— В Диюй, конечно. Для твоего уровня понимания скажу проще: в ад...

После того как стражи положили на стол два глаза из розового хрусталя и увели ослеплённого, вопящего от боли Хуньдуня, демон-бык вышел на смотровую площадку и задумался. Собака подошла неслышно и встала рядом.

— Вы правда отправили его в Диюй, господин?

— Ты думаешь, о подобном можно шутить? — не поворачивая головы в её сторону, тихо отозвался У Мован. — Шутить, пугая смрадным адом?

— Нет, господин. Хотите, я проверю его слова, господин?

— Не стоит. Ты уже провалила прошлую операцию, Тяньгоу. Теперь твоё дело — приносить мне документы и тапочки. На большее ты не способна.

Собака покаянно заскулила. Солнце медленно опускалось к горизонту.

...Хануман отрыдался, утёр слёзы кулаком и съел банан, проворно очистив его от кожуры. А потом резко расхохотался, катаясь по траве, и стукнул по земле булавой так, что горы на горизонте содрогнулись.

— Хи-хи-хи! Хи-хи-хи! Пора мне наведаться в небесные чертоги! Хи-хи-хи!

Он ухватился за свой хвост и вытянул его в длину. Покрутив им, как лассо, индийский вождь обезьян закинул его на верхушку дерева и повис вниз головой, продолжая громко хохотать.

...— Вы искали меня? — Из типовой дешёвенькой двери вышел невысокого роста мужчина, голый по пояс, в широких шароварах и с бусами на шее — золотыми, толстыми, в десять рядов. Его чёрные волосы были уложены в странную причёску — пучок, расположенный не по центру головы, а где-то

ближе к правому виску. В ушах — массивные серьги, под своим весом оттягивающие мочки почти до плеч. А накрашен так, как не красится ни одна современная девушка «с пониженной социальной ответственностью».

— Это что ещё за клоун? — шепнула Ольга.

Китаец посмотрел на неё страшными глазами и низко поклонился незнакомцу.

Рагхупати Рагхава Раджа Ра-ам! —

на самый скучный мотив заголосил он.

Патита Павана Сита Ра-ам!
Рама Рама Джей Раджа Ра-ам!
Рама Рама Джей Сита Ра-ам!

Слава богу Раме,
Жемчужине династии Рагху!
Слава хранителю души,
Возлюбленному Ситы!

Блондинка несильно ударила себя ладонью по лбу и развязала пояс на халате — тут, мягко говоря, жарковато для такой одежды. Хорошо, что под халатом было короткое платье без рукавов.

Мужчина в бусах озадаченно посмотрел на ненормального китайца, сухо поклонился ему и решил обратиться к девушке:

— А что происходит с вашим спутником?

— Без понятия! — честно ответила она. — Он перегрелся, перелёт был сложный, а перед этим перемерз и словил амнезию. Надеюсь, временную. А ещё... я, конечно, не психиатр, но... кажется, у него шизофрения. Или какой-нибудь навязчивый бред. Вы — Рама?

— Нет конечно! — усмехнулся мужчина в бусах. — Я Ашиш, актёр, играю Раму в сериале. Тут вообще-то съёмки, а ваш друг шумит.

— Кстати, а «тут» — это где?

— В Мумбаи, — пожал плечами актёр, увидел, что это название ни о чём не говорит странной девушке, и пояснил: — В Болливуде.

— Это... я не поняла... это типа в Индии, что ли?!

Мужчина с улыбкой кивнул. Ольга почувствовала, как ей резко поплохело...

Но дальше всё завертелось быстрее, чем она успела выразить своё возмущение, упав в обморок. Сунь Укун допел свою хвалебную песнь и кинулся актёру на шею с рыданиями. Снова выбежал сердитый мужчина в костюме и начал ругаться на всех подряд. Сунь Укун принялся доказывать, что он — Хануман и цель всей его жизни — служить Раме. Причём именно вот этому конкретному Раме, который на самом деле Ашиш.

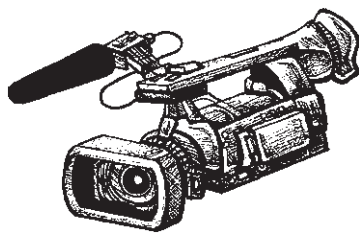
Актёр и мужчина в костюме многозначительно переглянулись, и последний отошёл в сторону, набрав кого-то по телефону.

— Слушай, тут какой-то придурок возомнил себя Хануманом, — устало сказал он, меж тем как любопытная блондинка, отойдя на пару шагов от своего шумного спутника, уловила нить разговора. — Да нет. Никакой он не актёр!

Реально мужик считает себя Хануманом. Прыгает на нашего Раму, как собачка. Или как обезьянка. Хануман же обезьянка, ха-ха, да-а... Вот я что и говорю, нечего выкупать у мафии этого алкаша-актёришку, нашего бездарного Ханумана... И что?.. Да и пусть подохнет! А нечего ломить за неизвестного актёра, который ещё вчера по массовкам перебивался, такой ценник! Эти вшивые мафиози курс доллара видели?! Да и пёс с ним! Пусть сгниёт у них в плену. Надо просто брать полоумного на его место. Тем более что, раз он на полном серьёзе считает себя Хануманом, ему можно не платить... **ВООБЩЕ** не платить! Понимаешь, к чему я веду? Ха-ха, да-а...

Очень интересно... Ольга недовольно поджала губы. Внезапно мужчина обернулся и увидел её. Он замер на месте и долго-долго внимательно смотрел ей в глаза, как в самых настоящих индийских фильмах. Вспомнив, что она блондинка, девушка приняла разумное решение закосить под дуру.

— А-а... уф, тут так жарко-о-о... — похлопав ресничками, сказала она.

— А вы оттуда, где было холодно? — вновь окинув взглядом её распахнутый тёплый халат и платье выше колен, спросил мужчина в костюме. — Давно прилетели?

— Да вот буквально только что приземлились.

— Ха-ха, ну да-а... — одними губами улыбнулся он. — А каким рейсом вы летели?

— Никаким рейсом, — задумавшись на мгновение, честно призналась девушка. — Мы летели вот на нём. — Она кивнула в сторону слезливого Укуна, который что-то объяснял «Раме».

— Э... у...???

— Ну, то есть я летела на нём. А он сам по себе летел... Может, размахивал руками, как птица, может, ногами дрыгал, не знаю, мне не очень видно было. А есть тут какая-то обувь? Асфальт горячий, а я тапочки во время перелёта посеяла. — Ольга переступила с ноги на ногу.

Мужчина в костюме помолчал несколько секунд, а потом, широко расставив руки в стороны, пригласил всех пройти за ним.

В огромном павильоне, состоящем из одной стены дворца, роскошных золотых дверей и куска крыши, посреди камер, софитов и микрофонов стояла полноватая девушка в сари с огромным кольцом в носу.

— Мадиракши, мы привели нового Ханумана, — заявил мужчина в костюме.

— Ханумана? — Девушка вскинула брови и озадаченно посмотрела на Раму. Тот кивнул и одновременно пожал плечами. — Но у нас же был другой Хануман.

— А теперь будет этот. Это лучший Хануман! — с нажимом сказал мужчина в костюме.

— Как вас зовут? — с улыбкой поинтересовалась девушка, обратившись к Сунь Укуну.

— Моё имя Хануман, мата Сита! — Счастливый царь обезьян повалился на колени и поцеловал край подола её платья. — Я услышал зов Рамы и пришёл, чтобы служить вам!

«Сита» улыбнулась самой благожелательной улыбкой, а потом шепнула подошедшему Раме:

— Он сумасшедший, Ашиш? В нашем контракте это не прописано.

— Ничего, Мадиракши, он вроде бы не буйный, пока только обнимается и плачет. В любом случае лучше того пьяницы. Да и когда его выкупят у мафии — неизвестно, а снимать надо уже сейчас. Подыграй ему! — Он ободряюще улыбнулся и вновь раскрыл объятия Хануману. — Мой друг, мой брат! Мы так ждали тебя! Наконец-то ты пришёл на наш зов и сможешь нам победить всех злобных демонов!

Потом все примирительно танцевали под непонятно откуда взявшуюся музыку. Даже Ольга. Ей нашли самые дешёвые китайские шлёпки, пошло-розовые и великоватые, но других не было. Мужчина в костюме, оказавшийся помощником режиссёра, лично закружил её под причудливую музыку, пообещал показать съёмочную площадку и помочь с беспроблемным возвращением домой в составе какой-то экспедиции, которая как раз заканчивает раскопки в соседней провинции и уже через пару дней вылетает в Россию.

— А в качестве кого они меня провезут? — не унималась блондинка.

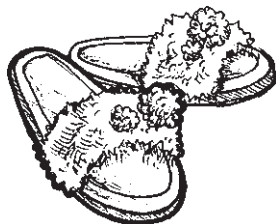
— Да хоть в качестве экспоната, ха-ха, да! — улыбнулся он, обнажив абсолютно белые и какие-то непривычно странные зубы. На первый взгляд только так их и можно было описать.

Саратовская аспирантка повела плечами, сделав вид, что заинтересованно осматривается по сторонам. Какой-то мутный тип этот помощник режиссёра. Вроде бы и одет прилично, и вежливый, и не лезет, а всё равно отталкивающий. Ещё эти его постоянные хихиканья, когда нет ничего смешного. Это он над ней смеётся? Или сам по себе с дурнецей в мозгу? Кто их знает, этих индийцев... индусов... режиссёров...

Она быстрым широким шагом, насколько позволяли шлёпки, подошла к Укуну и настойчиво постучала ему по спине.

— Ты звала меня, благочестивая? — спросил он, обернувшись.

— Отлепись наконец от своего Рамы! И объясни мне некоторые несостыковки. Если мы в Индии, то почему я понимаю местный язык? Или это они все без акцента чешут на русском?

— Язык? А что же в этом такого? Ведь я же понимал твой северный язык, когда попал в твою страну. Теперь ты попала в мою страну и тоже понимаешь мой язык. Это нормально.

— Да, но ты-то бог. Или демон. Или ещё кто-то там. Может, ты и знаешь сто пятьсот языков. А я — обычный человек. Я и с английским-то не очень дружу, только в рамках учебного курса, а уж за остальные языки даже не пыталась браться. Откуда я знаю индийский?

— Диди-джи, это же так просто! — удивлённо пожал плечами Сунь Укун. — Это Рама!

— Что Рама? — после непродолжительной паузы уточнила блондинка.

— Ра-а-ама! — «для тупых» пояснил Сунь Укун, вытаращив глаза для пущего эффекта.

— Что — Ра-а-ама?!

Китаец вывел её на улицу из павильона, поставил под палящее солнце и, благоговейно протянув: «Ра-а-ама...», провёл рукой по воздуху.

— Я не понима-а-аю! — передразнила его девушка и развела руками.

Укун кротко вздохнул, страдальчески поднимая глаза к небу.

— Рама везде, Рама во всём, Рама — суть. Рама в тебе, мата Олга. Ты понимаешь наш язык, потому что слышишь ушами Рамы, говоришь устами Рамы, смотришь глазами Рамы, чувствуешь сердцем Рамы, чуешь носом Рамы. Даже чресла Рамы...

— Стоп! А вот этих подробностей я не хочу знать, спасибо, достаточно, логику бреда я уловила, в тонкостях не нуждаюсь. Как у тебя всё просто, Ук... хм... Хануман.

— Всё просто, мата Олга, потому что Рама во всём. А там, где Рама, всё легко, красиво и...

— Хануман!!! — нервно сорвалась девушка. — Я больше не хочу слышать от тебя имя «Рама». По крайней мере, сегодня. Хотя бы в ближайшие пять минут. На большее ты вряд ли способен.

— За что такие строгие запреты? Разве я в чём-то виноват, диди-джи?! — И он традиционно на ровном месте залился слезами, брызнувшими из глаз, словно два ручья.

— А-а-а-а-а-а... — уставившись взглядом в ненавистные розовые шлёпки, тихо простонала Ольга.

— Что случилось, мата?! — тут же подорвался ненормальный китаец. — Где демоны, которые терзают тебя? На небе? На земле? Ты сама демон? Кого мне убить?!

— Да убейся ты сам наконец, хоть вот об эту стенку, только отстань от меня!

Блондинка круто развернулась и зашла в павильон. Там опять все танцевали.

...В забегаловке было тихо. Сонные мухи беззвучно топтались по тарелкам приунывших клиентов. Уставшие люди вполголоса обсуждали рыбную ловлю и работу в рисовых полях. Прокисшее рисовое вино пузырилось в грязных кружках, и даже мухи обходили его стороной.

Вошедший открыл дверь с ноги, и она с грохотом ударилась о стоящую за ней бочку. Трактирщик нахмурил брови и нервно повёл тонкими усиками.

— Что тебе надо, невымытый грубиян?! — сердито сказал он. — Ты чуть не вышиб мою дверь! Знаешь, сколько стоит хорошая дверь? Явно подороже, чем ты!

Немногочисленные посетители дружно засмеялись.

— Проваливай туда, откуда пришёл! Ты воняешь, как грязная обезьяна!

Ударом булавы гость разбил ближайший стол в щепки. Вязкая рисовая похлёбка вывалилась из тарелок на пол. Все напряжённо притихли.

— Принеси мне лучшего виноградного вина, служка. И подай самое изысканное блюдо. Ты запомнишь этот день навсегда, потому что сегодня в твой жалкий сарай пришёл прекрасный царь обезьян, Великий Мудрец, Равный Небу, Сунь Укун.

— Сунь Укун? — переспросил трактирщик.

— Сунь Укун?! — удивились посетители.

Хануман встал у стойки и, запрокинув руку, почесал спину булавой.

— Ты Сунь Укун? — вновь спросил хозяин заведения.

— Да, я Сунь Укун, Великий Мудрец...

— Что-то раньше ты выглядел посимпатичнее! — крикнул кто-то сзади.

Хануман озадаченно обернулся. Крестьянин залил в себя кружку забродившего вина и продолжил:

— Видел я тебя. И был ты постройнее, а теперь жиром заплыл. Вон и второй подбородок нервно подрагивает.

— Да где ты мог видеть меня, ничтожный земляной червь?!

— Так в собственном курятнике и видел. Ты там выл, как волк, и курей гонял с перепоя. Это было перед тем, как ты умер.

— Я умер?! Как я мог умереть, если я сейчас стою перед тобой, бестолковый?!

— А кто вас, демонов, знает? — встрял в разговор трактирщик, на всякий случай протирая барную стойку грязной тряпкой. — Только говорят, что ты умер, опившись вина, тебя похоронили, а ты взял да и вычеркнул своё имя из книги мёртвых.

— А давайте сдадим его куда следует? Пусть его обратно в книгу запишут?

— Хи-хи-хи! — громко рассмеялся Хануман. — Сначала вы сыграете со мной в чжимоу! — Он довольно осклабил жёлтые клыки. — Служка, неси сюда самое отвратное пойло!

Все присутствующие озадаченно переглянулись. Разговорчивый крестьянин неуверенно сел обратно на табурет.

— С чего бы мы стали играть с тобой в чжимоу, демон?

Хануман подбросил булаву, оружие завертелось в воздухе, ударилось в самый центр потолка и упало в руку своего хозяина за секунду до того, как по грязному потолку поползли тонкие трещинки. Вождь обезьян запрыгнул на стол и ударил крестьянина по щеке кисточкой длинного хвоста.

— С того, что меня зовут Сунь Укун, — прорычал он прямо в лицо мужчине. — Я могу просто убить вас всех, жалкие земляные черви. А хозяина этой землянки ещё и освежевать. За то, что он не торопится подносить мне вино. Но я пребываю в хорошем расположении духа и хочу поиграть в чжимоу. И если кто-то из вас сможет переиграть в чжимоу Великого Мудреца, Равного Небу, то выйдет отсюда живым. Или выползет живым из-под обломков этой лачуги. Если сможет. По крайней мере, я не разорву его на куски и не заглочу сырым. Да я

никого из вас не заглочу сырыми, — спрыгнув со стола, решил он. — Вы слишком грязные, хи-хи-хи! Вас придётся хотя бы час вымачивать в вине, чтобы не подцепить какую-нибудь заразу и потом не разнести её по всему миру.

Хануман быстро поймал опустившуюся из-под потолка муху и забросил её в рот.

Повисла очень длинная пауза. Никто уже не собирался поймать Великого Мудреца, чтобы слать его куда надо. Наоборот, те, кто поумнее, решили медленно двигаться к выходу. Но вождь обезьян, метнувшись к двери, начал увеличиваться в размерах, пока не упёрся головой в потолок, перекрыв своим телом путь к бегству.

— Мы. Будем. Играть. В чжимоу, — повторил он и, вытянув огромные ноги, уселся прямо на грязный пол. — Всё...

— Великий Юй-ди! Царь обезьян вновь устроил переполох!

— В Индии?

— У нас в Поднебесной! — Взволнованный страж сорвался на крик.

Нефритовый император лениво сощурился, глядя на заходящее солнце.

— Ты заблуждаешься, Ли. Сунь Укун в Индии, таков его путь.

— Император! — Страж поклонился, и модель пагоды едва не выскользнула из его рук. — Великий Мудрец разнёс трактир, в котором кормились нищие землепашцы!

Небесный император не произнёс ни звука, лишь удивлённо вскинул брови вверх.

— Он вошёл в харчевню и заставил крестьян и хозяина играть с ним в чжимоу!

— И что же?

— Он выпил столько дурного вина, что снова чуть не умер. А когда ошибся, неправильно сосчитав пальцы, которые ему показывал трактирщик, то просто оторвал лишние до нужного количества, схватив несчастного за руку, и съел их. А потом разнёс весь трактир!

— Цзиньгубаном, надо полагать? Этот его посох страшная игрушка.

— О нет, великий император! — покачал головой страж Ли. — Он нашёл себе новое оружие — огромную золотую булаву. Этим оружием он бил всех посетителей трактира, переломал им кости, а из одного пьяницы даже выбил дух!

Нефритовый император поцокал языком и покачал головой. Подвески на его шляпе сердито зазвенели.

— А когда бить стало некого, Сунь Укун разломал стены трактира, так что крыша рухнула. Сам трактирщик чудом спасся, спрятавшись в погребу.

— Слушай же меня, страж небесных врат, — сурово сказал император. — Эту обезьяну, кем бы она ни была, нужно найти.

— Всем тихо! Папа звонит! — крикнула Ольга, выживая из кармана халата смартфон. Как ни странно, но её все послушались, тут же захлопнули рты и выключили музыку, а Хануман даже застыл в причудливой позе.

— Да, пап! Ага, и вас с мамой с Новым годом. Не-е... — Она неуверенно оглянулась по сторонам. — Мы с друзьями сняли домик в деревне, будем тусить тут до конца выходных...

Нет, не собиралась, ну так получилось. Да не волнуйтесь, у меня всё ок! Я попозже заеду. Маме не...

Связь оборвалась. Девушка схватилась за голову, осознав, что папа звонил ей аж в Индию и, наверное, обнулil свой баланс. Ладно. Он не очень-то разбирается в новых технологиях. Может, и не поймёт, почему за звонок в пензенскую деревню столько содрали.

— Вы тут главный? — Ольга решительно обратилась к помощнику режиссёра. — Надо пополнить телефон моего отца. И найти зарядное устройство для моего смартфона.

— Почему я должен пополнять телефон вашего отца? — удивился мужчина.

— А кто его должен пополнять? Я, что ли?! — от души возмутилась блондинка. — Я не рвалась в вашу страну. Раз вы тут главный, то вы и пополните. И мой телефон, кстати, тоже.

Помощник режиссёра только прищурился, но ничего не ответил.

— Ладно, ладно. Хотя бы зарядку можете найти?

Индус подозвал какого-то рабочего сцены, указал пальцем на Ольгу, что-то сказал, и через несколько минут рабочий принёс ей маленький тазик, полный самых разных зарядных устройств.

— Вы удовлетворены? — спросил помощник режиссёра.

— Да. Нет. То есть я хочу есть. Где у вас тут можно чего-нибудь перекусить?

— Я подскажу вам и вашему спутнику.

...Они шли по шумной улице городка Мумбаи, среди обшарпанных зданий и левых магазинчиков, ароматов благовоний и вони обыкновенной, везде толкались люди, сновали машины, велосипедисты жали на клаксоны, загорелые до черноты рикши таскали свои тележки, собранные, казалось, ещё в позапрошлом веке. Индия остаётся Индией во все времена.

Напряжённая блондинка крепко вцепилась в руку Укуна, халат она сдавать отказалась, ещё упрут, но распахнула его полностью. Помощник режиссёра, вызвавшийся их сопровождать, двигался на шаг впереди. Царю обезьян выдали какую-то яркую рубашку из реквизита киностудии, чтобы он не светил голым торсом — местные жители впечатлительны в этом плане.

Но, должно быть, их впечатлительность касается только наготы человеческого тела. А вот при всём народе справить нужду на угол дома — это пожалуйста, чему же тут впечатляться?

— Укун! Ты посмотри, что делает этот нахал?! Он даже не отвернулся толком! Он улыбается! Ладно я, взрослая современная девушка, но дети же увидят!

— Я — Хануман!

— Да что же в этом такого, почтенная? — развернулся их неулыбчивый спутник. — Ну увидят детишки лингам. Мальчики и так каждый день видят его. Девочки наверняка тоже видели не раз линги своих друзей по играм, линги братьев, отцов, дядей. — Он обернулся к ней, размахивая руками. — Вот только не надо так округлять глаза. Это бедный квартал. Большинство людей живут в крохотных бараках целыми семьями. И конечно, видят все члены человеческого тела в открытом доступе, так сказать, ха-ха, да...

— Бедный квартал, говорите? — усмехнулась блондинка, чудом уворачиваясь от пронёсшегося на огромной скорости мотоцикла. — Смотрите, как расписаны дома! Такие красочные! И везде ваши разнообразные боги.

— Так дома и разрисовывают для того, чтобы случайные прохожие не справляли нужду на стены. Раз здесь изображены боги, то большой грех мочиться на богов, — пояснил мужчина.

— О! Смотри, прекрасная мата, это же я! — Сунь Укун довольнo улыбнулся, подведя блондинку к углу дома, на котором была изображена толстая обезьяна в высокой шапке и тяжёлых украшениях на шее. В одной руке обезьяна держала золотую булаву, а в другой маленькую гору.

— Ты такой жирный и у тебя в руках гора?

— Да, благочестивая! Разве ты не слышала о моих подвигах? Однажды...

— Пройдёмте сюда, — быстро перебил его помощник режиссёра. — Вот тут на углу вы сможете утолить свой голод.

Кафе выглядело не лучшим образом. Обшарпанная дверь, вывеска, нарисованная вручную на ватмане. Стекло в окне треснуто и заклеено скотчем. Второе окно просто закрыто ка-

ким-то листом фанеры. Они прошли в длинный, узкий зал с низким потолком и уселись за ободранный стол.

Ольга сморщила нос.

— Мы будем тут есть? А это, вообще, безопасно?

— Все тут едят, — успокоил помощник режиссёра. — Как видите, мисс, люди не всегда падают замертво, а чаще уходят отсюда своими ногами. Или вы думали, что я буду кормить вас и вашего друга за свой счёт в элитных ресторанах?

Он помахал рукой, подзывая официанта. Потом помахал ещё раз, но к их столику никто не торопился. Блондинка предупредила, что пойдёт вымыть руки, однако тут же вернулась, заявив, что мыть руки в местном туалете — это только пачкать их ещё сильнее. А вот Укун совершенно спокойно и, очевидно, надолго удалился в уборную.

— Как вас зовут? — спросила блондинка, протирая руки влажной салфеткой, взяв её из специальной подставки на столе.

— Зовите меня господин Ранджит, — после непродолжительного молчания отозвался помощник режиссёра. — А теперь, — он оглянулся, проверяя, не возвращается ли Сунь Укун, — у меня есть к вам несколько вопросов, если ваш друг не...

— О, не волнуйтесь, он не вернётся так быстро, — поняла его взгляд Ольга. — Наверняка ещё с полчаса будет петь молитву воде.

Тем временем к их столику наконец подошёл официант — высокий, чернокожий, в грязной рубашке и таком же грязном фартуке. Господин Ранджит, ни с кем не советуясь и не требуя меню, быстро сделал заказ, официант поспешно удалился.

— Ваш спутник действительно считает себя Хануманом или просто прикидывается идиотом?

— Да нет, он правда Хануман! Ну то есть... — Ольга на мгновение нервно замялась. — Вообще-то он Сунь Укун. Ну, есть такой в Китае премудрый царь обезьян. Но вдруг с ним что-то случилось, перемкнуло, и теперь он считает себя Хануманом. На полном серьёзе. Я не знаю, может, он замёрз тогда, потому что я нашла его в снегу и он...

Помощник режиссёра хлопнул ладонью по столу. От неожиданности блондинка замолчала.

— Вы говорите, что ваш мужчина Сунь Укун, китайский царь обезьян? — с придыханием спросил он.

— Ну да.

— Вы отдаёте себе отчёт в том, что вы говорите?

— Ещё как отдаю! Я сама видела — у него в ухе посох. А ещё он познакомил меня с демонами. Ну как познакомил, мы с ними подрались на кафедре, я даже одну крысу завалила. Так что он сделал меня своей ученицей.

— Вы ученица царя обезьян? — Господин Ранджит ка-

ким-то образом стал ещё серьезнее, чем раньше, выпрямился и даже немного вытянул шею.

— Ну да. А ещё я...

— Шшш! — сердито шикнул он. — Умоляю, не сейчас!

За столик вернулся Укун. Официант принёс две тарелки жёлто-оранжевого нечто, отдельно миску с рисом и две полулитровые бутылочки воды. Он молча поставил заказ на стол, развернулся и ушёл по своим делам.

— Ну и сервис тут у вас, — неуверенно хмыкнула блондинка. — Это что?

— Карри.

Сунь Укун, блаженно улыбнувшись, подцепил вилкой фасолину из тарелки и забросил в рот. Ольга придиричиво покопалась своей вилкой в тарелке, рассматривая содержимое.

— Фасоль, фасоль, ещё какие-то бобы, лук, томатная паста... А где же курица?

— Какая ещё курица? — немного раздражённо спросил помощник режиссёра.

— Ну как... — Она подняла взгляд на Укуна, ожидая поддержки, но того явно всё устраивало, он лишь равнодушно пожал плечами. — У нас карри принято называть блюдо с курицей, — пояснила девушка. — А тут одна фасоль.